

Три стихотворения...

Александр ЛАНИН, Франкфурт-на-Майне (Германия)

ТРИАЖ

Триаж

Со своей свечой не ходят, куда не велено.
Стучу по дереву, тру по воску.
Медленно, нехотя, но уверенно
Из-за кустов появляется труповозка.
Как будто старую плёнку перемотали.
И даже пресса, как никогда, прохладна.

Это в Италии, братцы, это в Италии.
А у нас всё ладно.

Подумаешь, два века закоротили,
Какие-то там графики и картинки.
Посидишь недельку на карантине,
Сменишь валентинки на карантинки.
Плакаты "мой руки" в цеху на заводе висят,
В офисном бункере степлеры мышь хоронят.

Это кому за восемьдесят, за восемьдесят,
А нас не тронет.

Где-то в детской по стенкам бегают Соник,
Чтобы не разбудить, ступаю на половицу.
Мне половина от завосемьдесят - засорок,
Значит и умирать наполовину.
Из труповозки люди в испуге выбегут,
Маски наденут, поржут, до дома подбросят.

Это меня не выберут, нас не выберут,
А вас не спросят.

Доктор Зураб Константинович Оборзели...

Доктор Зураб Константинович Оборзели
Завёл себе медсестру с глазами, как у газели.
Посетители жалуются: тоже мне, шапито.
Она улыбается, как на арене цирка.

Великой стране всегда не хватает цинка
На фоне груза 300 и груза 100.

Зурабовы предки в своей картлийской деревне
Не знали всех этих склонений и ударений,
Поэтому доктор путается слегка.
Его интонации скупы и речь гортанна.

От Санкт-Петербурга до чёртова Магадана
Прямая линия русского языка.

Во сне он ходит по тонкой кинжальной грани,
Где гуслар Садко читает Этериани,
И каждая русская строчка, как боль, остра.
Он целится, но слишком гуляет дуло.

Страна молчит, потому что она - не дура.
Вот пули - дуры. Такие, как медсестра.

Ёжик

По тёмной усталой планете,
Где видно, хоч голки снимай,
Идёт Робертино Лоретти
И слушает "Ласковый май".

Коктейль из бессмертья не подан -
Гарсон затупил слегонца.
В ушах у него айрподы -
И это начало конца.

Как метко предчувствовал Репин,
Шагает, бурлак-бурлаком.
И каждый прошаренный рэпер
Сигналит ему кулаком.

Он - прошлое в нашем кармане.
Он - пейджер в двадцатом году.
А следом, туманом в тумане,
Я тоже, как ёжик, иду.

Направо от нас Купертино,
Налево от нас Риверран.
Но мимо идёт Робертино -
Туда, где горят гровера,

Где бомж под воротами чилит,
Где сорок минут до метро,
Где сломанный голос починит
Ему автослесарь Петров.

